

Эвелина Баш Хрустальный сад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17199270

Аннотация

Встретив Наставника, пятнадцатилетний Вальтер думал, что нашёл свой путь. Он отказался от прежней жизни, чтобы научиться повелевать иллюзиями и управлять умами людей, но цена оказалась слишком высокой. Он влюбляется в девушку, которую не имеет права любить, и пытается завести друзей, которых не может иметь. Как сделать правильный выбор и при этом остаться честным с собой? Как победить в войне, которую не объявлял? Это история о взрослении, ответственности и принятии решений, от которых зависят ни много ни мало судьбы мира.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ I	5
1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эвелина Баш

ХРУСТАЛЬНЫЙ САД

Кошка, она животное такое:

У огня помурлычет и на улицу сбежит.

Нрав у нее – то домашний, то звериный,

Она за крайности, против середины.

Так и человек всю жизнь лишен покоя,

Он истин боится, но дьявол в нем сидит.

Собака – наш друг отнюдь не по случайности,

Она за середину, против крайностей.

Джон Гарднер «Осенний свет»

ПРОЛОГ

Лунный свет почти не проникал сквозь узкие стрельчатые окна средневекового чешского костела. Маленькие свечи тускло освещали старинные фрески с изображениями святых. В церкви было тихо и безлюдно. Только старый священник дремал над книгой. Почти бесшумно открылась дверь, впуслав ледяной ветер. Молодой человек остановился на пороге, словно обдумывая следующий шаг, а потом закрыл дверь и прошел вдоль скамей прямо к алтарю. Снежинки блестели в его белокурых волосах и таяли, оставляя следы на белом пальто. В руке он нес длинный холщовый сверток. Звук шагов гулко отражался от каменных стен. Парень опустился на колени перед алтарем и, положив сверток перед собой, развернул ткань. Старинный меч с выгравированной надписью сверкнул в свете свечей. Сложив ладони, молодой человек склонил голову набок и посмотрел на изображение распятого Христа.

«Вот я и пришел к тебе», – произнес он по-английски с легким немецким акцентом. Его голос был тих. – «Ты знаешь, на этот раз я сделал все, что мог, – он замолчал и погрузился в размышления, но потом заговорил снова, – Я хочу попросить тебя только об одном – позаботься о них».

ЧАСТЬ I

1

Я появился на свет холодным дождливым октябрьским днем тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Мать однажды рассказала мне в припадке откровенности, как она под проливным дождем сама добиралась в тот день в больницу, потому что отец как всегда работал. Сколько его помню, он постоянно пропадал на работе, и днем и ночью. Днем на лесопилке, по вечерам подрабатывал грузчиком сразу в нескольких компаниях. Конечно, с таким-то графиком, где ему взять свободного времени, чтобы уделить его семье. Мать вела колонку в местной газете, давая советы о том, как правильно налаживать отношения и выращивать гладиолусы. Вот вам прекрасный пример – для того, чтобы давать советы, не обязательно в чем-то разбираться. В нашей семье каждый был сам по себе, впрочем, и семьей-то по большому счету нас назвать сложно. Так, собрание людей под одной крышей.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что я стал трудным подростком в определенном смысле этого слова. Я не был дебоширом или наркоманом, неплохо учился и приходил домой вовремя. Вся «трудность» заключалась в том, что никто не знал, как общаться со мной. Люди, окружавшие меня, нагоняли скуку, и чаще всего я молчал, потому что не понимал, зачем вообще открывать рот, чтобы обсуждать такие простые вещи как погода, футбол или просмотренный фильм. В каком-то смысле я был бунтарем, плевать я хотел на общественное мнение. Жил в своем мире, со своими правилами, делал все что хотел и как хотел. Единственный человек, который выносил меня тогда – это Санни (*прим. от англ. sunny – «солнечный»*). На самом деле его звали Роберт, но никто, ни родители, ни даже учителя его так не называли. Я уже и не помню, откуда у него появилось это прозвище – Санни. Наверное, из-за рыжей шевелюры и веснушек. Санни был пацифистом, и никогда не влезал ни в какие конфликты. Как же для него было важно, чтобы все вокруг его обожали. И его обожали! Позитивный, общительный, как лучик солнца в нашем сером мире. Первая и последняя маска, которую он успел примерить.

Никто не понимал, почему он общается со мной. Казалось бы, что у нас может быть общего? О, у нас было очень много общего. Наша буйная фантазия не давала никакого покоя его родителям. Они ругали его, сажали под домашний арест, запрещали общаться со мной и смотреть телевизор. Мои родители по большому счету моей жизнью не интересовались. Главное пришел к ужину, ну, или хотя бы к завтраку – уже хорошо.

Мы жили на юге Германии в небольшом доме за городом на окраине леса. Здесь прошло наше детство. С рассветом мы с Санни брали велосипеды и уезжали в лес. Построили шалаш, перетаскали туда кое-какие вещи, посуду и даже какую-то еду. Мы разводили костер и готовили на нем рыбу, которую ловили в Дунае. Однажды, прочитав «Приключения Гекльберри Финна», построили свой плот и хотели пуститься на нем в путешествие, но он развалился, проплыв пару десятков метров, и мы чудом смогли вернуться на берег. Помню, боялся воды, наверное, месяц.

Вообще, мы совершали много экстремальных поступков. Прыгали на спор с крыши, разбивая колени и раздирая в кровь ладони. Гоняли наперегонки на велосипедах. Стреляли в птиц из самодельных рогаток, а как-то раз Санни тайком взял у отца воздушку, и мы подстрелили дрозда. Он был такой маленький, беззащитный. Хорошо помню этот момент первого знакомства со смертью. И это странное чувство жалости и разочарования и вопрос: зачем? Просто так? Ради забавы? Но в этом не было ничего забавного, это казалось слишком

жестоким. Дрозда мы похоронили и с тех пор больше никогда не охотились на животных. По крайней мере, тогда, в детстве, вместе.

Заводилой из нас двоих был Санни, а я старался ни в чем не уступать ему. Вспоминая сейчас те дни, я замечаю, что Санни всегда ходил по краю, всегда искушал судьбу. Кто знает, был ли у него на самом деле шанс дожить до пенсии.

Потом, когда мы немного подросли, стали играть в футбол за школой с другими ребятами, но я с ними не особо дружил, я не разделял их интересы. Да и пинать мячик мне как-то не особо нравилось. Куда интереснее сидеть ранним утром на скалистом берегу покрытого молочной дымкой Дуная и мечтать о будущем.

«Когда вырасту, – говорил Санни, – стану ученым-археологом, как Индиана Джонс, – глаза его горели, когда он говорил об этом, – буду искать артефакты и попадать в разные приключения». Я же мечтал о том, как найду через пару-тройку лет какую-нибудь работу и стану жить отдельно от родителей, зарабатывать деньги сначала на машину, а потом найду себе красивую девушку и женюсь на ней. И все у меня будет просто, как у всех, как должно быть. Какая наивность! Санни всегда витал в облаках, я же твердо стоял на земле. Я был уверен, что чудеса никогда не происходят с теми, кто их ждет. Я мог рассчитывать только на себя и был почти готов прожить долгую и скучную жизнь, как мои родители, а до них их родители и их родители, и так далее до Адама, или от кого мы там произошли.

Все шло своим чередом, и когда нам было по четырнадцать, мы оба влюбились в одну и ту же девочку. Ее зовут Анна. Она приехала из Берлина. Когда ее родители погибли в какой-то катастрофе, опеку над ней взял дед. Мы думали, что ему лет сто и долго он не протянет, но он был единственным, кто у нее остался. Жизнь обошлась с Анной жестоко, но она не сдавалась. Всегда с улыбкой. До сих пор помню, как впервые увидел ее на пороге класса пасмурным зимним утром. Казалось, она появилась откуда-то из другого мира: ее щеки румянились от мороза, большие голубые глаза блестели и на светло-рыжих кудряшках таяли снежинки. А ее улыбка... За ее улыбку я был готов отдать все на свете, лишь бы она улыбалась только мне.

Санни с ней познакомился первым. Сразу же на перемене он подсел к ней, и они начали над чем-то весело смеяться. Мне стало так обидно, что я выловил его после уроков и, прижав к стенке за школой, приготовился устроить ему настоящую взбучку.

– Оставь Энхен (*прим. Aennchen – уменьш. от Anna (нем.)*), найди себе другую девочку.

– Но мне нравится эта! – Санни слегка оттолкнул меня, но я продолжал держать его за ворот куртки.

– Мне она тоже нравится.

– Да ты в жизни к ней не подойдешь! – Санни толкнул сильнее, и я едва не потерял равновесие. – Ты никогда ничего не сделаешь, – он толкнул снова, – ты лучше будешь страдать в одиночестве, чем подойдешь к ней...

И тогда я его ударил. Первый раз в жизни. Кулаком. Прямо в лицо. Он опешил и в удивлении уставился на меня. Но я был зол и ударил его еще раз. Вот тогда он дал мне сдачи. Первый его удар пришелся в челюсть, второй куда-то в бровь. Мы повалились на землю и метелили друг друга с переменным успехом, пока оба не выдохлись. Санни сдался первым. Он сидел, прислонившись к стенке, и тяжело дышал. Его куртка порвалась, не хватало одной пуговицы. На разбитой губе запеклась кровь. Думаю, я выглядел не лучше. К тому же начала болеть челюсть, казалось, что он мне ее все-таки выбил.

– Ну ты удивил меня, – сказал Санни. – Вот уж не знал, что ты на такое способен. Вот так, из-за девчонки... – он улыбнулся.

– Я же сказал, она мне нравится, – я сел рядом. Злость прошла, и появилось даже какое-то моральное удовлетворение. Оказывается, мне давно нужно было выпустить пар. – Приглашу ее на дискотеке на день святого Валентина.

– Договорились, – сказал Санни и протянул мне руку. – Мир?

– Мир, – сказал я и пожал его руку. – Прости.

Мне вдруг стало стыдно. Он же мой лучший друг, всегда вместе и все такое, а я веду себя вот так. Кто знает, не дай я тогда волю своим чувствам, вдруг у них с Анной бы что-нибудь вышло? Все могло сложиться иначе.

– Да ничего. Все равно было классно начистить тебе морду, – улыбнулся он. – Для чего еще нужны друзья, – и мы рассмеялись.

Ко дню святого Валентина я готовился очень тщательно. Еще бы, ведь ничего более ответственного, чем пригласить девочку на первый танец, в моей жизни еще не случилось. Я надел свои лучшие джинсы и даже погладил рубашку. Синяки на лице почти прошли, и я снова был неотразим, по крайней мере, мне так казалось. Санни, хотя формально он и отказался от претензий на Анну, вырядился как на свадьбу и даже набрызгался каким-то одеколоном. Какая же нас взяла досада, когда на первый же танец Анну подхватил этот толстяк Мартин. Ладно бы кто, но Мартин! Мы считали его главным уродом в школе, в основном потому, что он везде стремился сунуть свой нос и высказать свое компетентное мнение, но взрослые его обожали. «Такой умный мальчик и сообразительный!» Да еще и проворный, весь вечер он танцевал с нашей девушкой. Санни откровенно веселился.

«Пойдем набьем ему морду, а? – хихикал он, подталкивая меня локтем. – Ну пойдем, а?» Я знал, что он не со зла, и больше не мог на него злиться. Зато мог злиться на весь остальной мир и его вопиющую несправедливость. Если бы я тогда знал, что такое настоящая несправедливость. Скажу сразу, к Анне я так и не подошел, ни тогда на дискотеке, ни вообще до следующего мая. Но об этом позже.

2

В тот год родители Санни отправили его в летний лагерь где-то под Берлином, а я остался дома. Три недели слонялся без дела и не знал, куда себя приложить. Мне было скучно. Компьютер и телевизор меня не занимали, а книги я вообще тогда не читал. Тогда-то и пришла в голову идея рисовать комиксы. Уже не помню, почему и как, но я начал рисовать прекрасных амазонок, которые жили в своей волшебной стране и боролись с армией демонов с помощью магии. Купил тогда десяток разных комиксов и поначалу старался им подражать, а потом стал придумывать сам. Вот так внезапно у меня открылся талант художника.

Конечно же, я рисовал комиксы о ней. О великой воительнице Света, которая боролась за добро и справедливость. Ну что за ирония! Конечно, я мечтал о ней. Только о ней. Конечно, я боялся к ней подойти. Сомнения... Столько времени потрачено впустую из-за сомнений и неуверенности. Я боялся провала. А вдруг она не захочет со мной общаться? А вдруг она посмеется надо мной? Мне казалось, я не переживу этого... Теперь-то я знаю, что способен пережить и не такое.

Но тем летом все шло не так. Санни вернулся из лагеря и не умолкая рассказывал о своих новых друзьях. О том, как они убегали тайком из лагеря и развлекались по ночам в Берлине. Как они познакомились с какими-то взрослыми парнями из университета и те провели их в самый крутой клуб города. Я ревновал и завидовал, такие приключения мне даже и не снились.

Постепенно мы стали отдаляться друг от друга. Санни постоянно пропадал со своими новыми друзьями, которые мне не нравились, а я погрузился в свой комикс. Если бы я только знал, как мало времени у нас осталось, я сделал бы все, лишь бы провести это время с ним. Но я не знал. Мне казалось, что он предал меня. На самом деле, это я, наверное, предал его. Я был слишком поглощен своей личной драмой, чтобы придать значение тем странным и неожиданным метаморфозам, происходившим в нём, хотя и заметил их почти сразу. Санни стал замкнутым, у него постоянно менялось настроение, безудержное веселье тут же сменялось депрессией и даже агрессией. Все думали, что он просто взрослеет, и это всего лишь обычные подростковые проблемы... Но когда придет время забить тревогу, будет слишком поздно.

В тот день мы с Санни сбежали с уроков. Был конец ноября, и шел первый снег. Большими такими пушистыми хлопьями. Мы шли через парк. Рядом со школой тогда был большой и старый яблоневый сад. Тенистые аллеи, пруд с утками и горбатый мостик, деревянные скамейки. Летом там не пройти: под каждой яблоней пикники, влюбленные парочки, художники, любители почитать на свежем воздухе... Зато в тот день там не было вообще никого. Снег валил с самого утра, и ветви деревьев склонялись под белыми шапками. Санни радовался как ребенок. Он бегал по свежему снегу, подхватывал его руками, подкидывал в воздух. Я смотрел на него и смеялся, но вдруг он упал на колени. Его плечи дрожали, и сначала я подумал, что он тоже смеется, ведь я не видел его лица. Прошло, наверное, меньше минуты, но мне показалось, что прошла вечность. Я бросился к нему. Он сидел, зачерпнув ладонями снег, и смотрел перед собой. Из его глаз катились слезы. Первый раз заметил тогда, какие синие у него глаза, как январское небо. А слезы были просто огромны.

«Ты чего?» – спросил я, усевшись рядом.

Он никак не отреагировал и продолжал смотреть в одну точку. Кажется, он даже не моргал.

«Санни, – я слегка похлопал его по плечу. – Эй, что случилось? Расскажи».

Он закрыл глаза и продолжал молчать. Снег падал и таял на его щеках, смешиваясь со слезами. Я был в замешательстве. Никогда не видел, чтобы он плакал. Мы сидели так

довольно долго. Джинсы промокли от снега. У него, похоже, замерзли руки, потому что он спрятал их в карманы, но положения не изменил. Я тоже чувствовал, что замерзаю, и хотел было предложить пойти домой, когда Санни заговорил.

– Мы были в том клубе. Человек семь. Только мне и Алексу было по четырнадцать. Остальные были старше, они уже учились в универе. А еще с нами были две девушки. Красивые. Они купили нам пиво и разрешили с ними танцевать. Мы подумали, что это так круто, что мы такие взрослые. А потом они предложили нам попробовать кое-что интересное, чтобы стало еще веселее...

Он замолчал, я терпеливо ждал продолжения. В моей голове рисовались предположения одно страшнее другого, но я не решался просить его продолжить. Сказать честно, я просто не хотел знать правду.

– Они предложили нам какие-то таблетки... – Санни с усилием поднялся на ноги. На его коленях остался мокрый снег, но он даже не отряхнулся. – Я не смог отказаться, – тихо сказал он и зашагал прочь. Я какое-то время продолжал сидеть, пытаюсь осознать его слова. Потом встал и пошел за ним.

– Санни, ты... – начал было я, но не смог договорить. Он остановился и медленно повернулся ко мне. До сих пор вижу этот взгляд. Отчаяние, безысходность и страх.

– Я наркоман, Вальтер, – его голос сорвался, он отвернулся и бросился прочь. Я побежал вслед за ним, но вскоре отстал. Мне не хотелось догонять его. Я хотел проснуться. Хотел, чтобы этого разговора не было. Хотел, чтобы прошлого лета тоже не было. Я думал, что мой мир рухнул... Как же я ошибался! Мой мир рухнет чуть-чуть попозже.

Как бы то ни было, но на какое-то время все стало как прежде. Мы снова играли по сети в «стрелялки» и «бродилки», шатались по улицам и играли в футбол за школой. Мы почти не говорили о его зависимости. Изредка на него находило откровение, и он говорил, что хочет бросить, но не знает как. Не знает, кому рассказать об этом, к кому обратиться за помощью. Ведь если об этом узнают в школе, разразится огромный скандал. В лучшем случае его выгонят из школы и отправят на принудительное лечение, а это станет пятном позора для всей его семьи, да и для нашей школы тоже. Его родители, как назло, тогда были заняты своими проблемами. Решили вдруг после пятнадцати лет совместной жизни развестись, вроде как сын уже вырос, а у них вторая молодость началась. Поэтому Санни предпочитал бороться с этим практически в одиночку, и я не мог дать ему необходимую поддержку, в конце концов, мне было всего пятнадцать. Я и понятия не имел, что нужно делать. Лучше всего нам удавалось притворяться, что ничего не происходит.

3

Однажды он подошел ко мне после уроков. На его щеках играл нездоровый румянец, глаза блестели, а зрачки были просто невероятных размеров.

– Пойдем со мной, – шепотом сказал он, его голос звучал прерывисто и хрипло.

– Куда? – спросил я почему-то тоже шепотом.

– Один чувак устраивает тусу, – он придвинулся ко мне почти вплотную, – хочу познакомить тебя с моими друзьями.

– С друзьями? – переспросил я, немного отодвинувшись от него. Никогда не любил, когда нарушают мое личное пространство, даже если это был он.

– Ты их не знаешь, – он придвинулся еще ближе, – но они чумовые ребята.

Я отодвинулся еще и почувствовал, что уперся в стену. Отступать было некуда. Санни тяжело дышал и вопросительно смотрел на меня. Его дыхание было горячим, казалось, будто его лихорадит. Не хотелось идти с ним, но я согласился.

Мы приехали в жилой квартал на другом конце города. Он хорошо знал район и легко ориентировался среди множества одинаковых многоэтажек. Мы зашли в один из домов и поднялись на лифте на пятый этаж. В подъезде было светло и чисто. На окнах стояли цветы в горшках. Как-то совсем иначе я представлял себе наркопритоны. Санни позвонил в одну из дверей. За ней послышались торопливые шаги, замок щелкнул, и в дверном проеме появился парень. В джинсах, рубашка наполовину расстегнута, а волосы взлохмачены. Выглядел он как самый обычный подросток. «Ааа, чувааак, привееееет», – сказал он, растягивая слова и улыбаясь во весь рот. Он протянул руку Санни и похлопал его по плечу.

«Это Вальтер», – представил меня Санни. Парень кивнул мне и закрыл дверь. Санни тем временем скинул куртку и прошел в гостиную, а я немного замешкался в коридоре. Я посмотрел на свое отражение в огромном зеркале, висевшем на стене. Я жалел, что пришел сюда, и это читалось на моем лице. Зрачки у меня были почти как у Санни, только я не был под кайфом.

Квартира явно принадлежала богатым людям. В гостиной, обставленной красивой и дорогой мебелью, сидело несколько подростков. Еще двое парней и три девушки. Они были примерно моего возраста, хорошо одеты. Таких обычно называют золотая молодежь, детки богатых родителей, у которых есть все и они просто не знают, как еще себя развлечь. Санни-Санни, как же ты попал сюда? Мы не принадлежали этому кругу. Нам не дарили на день рождения дорогие тачки и квартиры в городе.

Они обрадовались, увидев Санни. Девчонки тут же бросились с ним обниматься. Когда он успел стать частью их компании? Я почувствовал укол ревности. Закончив приветствия, Санни вспомнил о том, что я все еще стою рядом с ним, и начал представлять меня, но я даже не пытался запоминать их имена. Я ненавидел их. Я завидовал им. Я с трудом мог накопить даже на мопед, а у них было все. Конечно, Санни не мог упустить такой шанс. Конечно, он не мог отказаться от такого общества. Что хорошего оно дало ему? Ничего. Хотя... я тоже не был идеальным другом, раз он променял меня на них.

Они пили коктейли, курили, смеялись, болтали о каких-то вечеринках, о планах на каникулы и прочей чепухе. Я просто сидел и наблюдал за ними, мне нечего было сказать им, даже если бы захотел. Они пьянели на глазах, а мне становилось все противнее и противнее. Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. От сигаретного дыма голова шла кругом. Должно быть, я задремал, потому что меня вернули в сознание чьи-то крики. Кричала одна из девушек, она стояла посреди комнаты и билась в истерике, один из парней держал ее, затыкая ей рот. Вторая девушка потихоньку сползала с дивана. Она стояла одним коленом на полу и держалась руками за стоявший рядом журнальный столик. Она была неверо-

ятно бледного цвета и, похоже, задыхалась. Санни осторожно поддерживал ее. Постепенно он уложил девушку на пол, ее била мелкая дрожь, она смотрела перед собой, но казалось ничего не видела. Еще один парень стоял рядом с ней на коленях и пытался померить пульс. Я бросился к ним, но меня оттолкнул третий, у него в руке, похоже, был шприц. Санни поднялся, уступив парню место, и схватил меня за локоть. Он тянул к выходу. «Пойдем, пойдем отсюда», – повторял он. – «Они разберутся, пойдем, нельзя, чтобы нас запалили тут». Санни накинул на меня куртку и практически вытолкнул за дверь. Я продолжал сопротивляться и не отрывал взгляда от того, что происходило в гостиной. Они толпились вокруг нее, и я видел лишь ее бледную руку на зеленом ковре, и она казалась совсем безжизненной.

4

На следующий день Санни не было в школе, и я ушел с уроков и отправился к нему домой. Санни открыл почти сразу. Он выглядел больным и измученным, босиком, без футболки, в старых спортивных штанах. Санни огляделся по сторонам, как будто за мной кто-то следил, и впустил в дом. Не говоря ни слова, он прошел в гостиную и плюхнулся на диван. Я снял куртку и вошел вслед за ним. Санни взял пульт и начал переключать каналы. Кажется, он был напуган, озабочен, может быть даже в отчаянии. Он стучал пальцами по спинке дивана и кусал нижнюю губу.

– Ты один дома? – спросил я. Он нервно кивнул в ответ, продолжая смотреть в экран телевизора. Я встал между ним и телевизором. Санни наклонился в сторону, чтобы видеть, что происходит на экране. Сделал он это скорее на автомате, чем из реального интереса.

– Что с ней? – спросил я.

Он медленно поднял голову и посмотрел на меня, прикусил губу, словно размышляя над тем, что сказать.

– Она в реанимации, – наконец сказал он.

– Выживет? – спросил я.

– Да не знаю я, Вальтер! – он бросил пульт от телевизора и встал с дивана. – Если узнают, что мы там были, у нас будут большие проблемы, – он начал ходить по комнате.

– Тебя беспокоят наши проблемы? – после короткой паузы спросил я.

– Конечно! – его голос был полон отчаяния. – А тебя нет?

– У тебя девчонка на глазах чуть не умерла, а ты боишься, что кто-то узнает, что мы там были? – я недоумевал, ее безжизненная рука все никак не выходила из моей головы.

– Да фиг с ней, она сама дура, – Санни махнул рукой.

– Да что с тобой такое? – я подошел к нему и, схватив его за плечи, стал трясти. – Ты кто такой и куда дел Санни? А?

Он оттолкнул меня и присел на край журнального столика.

– А что я могу сделать? Чем я ей помогу? Здесь каждый за себя, каждый думает о своей шкуре.

– Зачем тебе вообще все это надо?

– Что это? – он посмотрел на меня.

– Да все это, – я всплеснул руками, – пьяные тусовки, наркотики...

– Да это же круто!

– А что в этом крутого? Я видел, как той девчонке было круто, просто смертельно круто. Зачем ты вообще меня позвал вчера?

– Хотел показать тебе, что такое настоящая жизнь.

– Настоящая жизнь? Ты это называешь настоящей жизнью?

Я был в шоке, что с ним сделали эти полгода?

– Конечно, это весело, интересно, драйв! – он поднялся и подошел ко мне. – Куда интереснее, чем сидеть вечером дома с каким-то дурацким комиксом.

– Он не дурацкий, – сквозь зубы сказал я.

– А нафига ты его рисуешь? – он подошел почти вплотную.

– Потому что мне нравится это делать, – ответил я.

– Так вот и я делаю то, что мне нравится, – он отошел от меня.

– Только я со своими комиксами вряд ли закончу, как та девчонка, – тихо сказал я.

– А мне плевать, – он почти перешел на крик, – мне плевать, что со мной будет. Зато я видел жизнь!

– Жизнь, ага, – горько усмехнулся я.

– Я беру все, что хочу, а ты не можешь даже подойти к ней. Да ты просто неудачник! – бросил он так, словно плюнул мне в лицо.

– Кто бы говорил.

Я схватил куртку и вышел на улицу, остановился на крыльце, пытаюсь застегнуть замок, но он не поддавался. Я был вне себя от злости и обиды. Что с ним стало? Мы были лучшими друзьями, мы понимали друг друга без слов, а что теперь? Эта пропасть между нами становилась все больше и больше. Черт! Я дернул замок еще раз и прижал кулак ко рту. Хотелось закричать. И тут я почувствовал его руку на моем плече. Я обернулся. Он стоял босиком на холодном крыльце и смотрел на меня. «Прости», – тихо сказал он. Мы вернулись в дом.

– Мне сложно контролировать себя, – он сел обратно на диван, уперевшись локтями в колени. – Я срываюсь и причиняю боль близким. Но я не хочу этого. Черт!

– Я не обижаюсь на тебя, – сказал я. – Просто я хочу быть частью этой твоей жизни, какой бы она не была. – Я стоял напротив него, засунув руки в карманы куртки. – У меня нет друзей, кроме тебя.

– У меня тоже, – ответил он.

5

В конце зимы Санни рассказал мне о ней. Мы обедали в школьной столовой. И оба без аппетита, у каждого на то были свои причины.

– Зацени ту девочку, – сказал он мне и кивнул куда-то в сторону. Я посмотрел, куда он указал, и увидел на самом деле несколько девочек. Они были из старшего класса и весело обсуждали что-то.

– Какую именно? – уточнил я.

– Вон ту, с длинными волосами, в зеленом платье.

– Я не вижу такой, – я присмотрелся внимательнее.

– Да как же, у нее такие волосы. Чистая медь. Смотри, она улыбается нам, – он улыбнулся кому-то в ответ.

Но я никого не видел. Девушки, которую он описывал, там не было.

– Посмотри, разве она не красавица? – продолжал улыбаться Санни. – Такая кошечка.

– Кошечка? – я посмотрел по сторонам, пытаюсь найти все-таки девушку, о которой он говорил.

– Ну да, похожа на кошечку. Хорошенькая. И глаза такие зеленые-зеленые.

– Санни, здесь нет такой девушки, – мне становилось не по себе, у него явно начались галлюцинации.

– Да вон же она! Она уходит, – он было вскочил, наверное, чтобы броситься за ней, но я удержал его. – Она учится в нашей школе с этого года. Часто вижу ее на переменах. Когда увижу ее в следующий раз, я тебя обязательно с ней познакомлю.

Но следующего раза не случилось. Это произошло в начале марта. Снег уже сошел, но лужи еще не высохли, хотя солнце пригревало совсем по-весеннему. Мы шли из школы. Санни был сильно возбужден, болтал без остановки, постоянно дергал меня за рукав и показывал что-то. Собаки, машины, люди – его занимало абсолютно все. Он радовался как маленький ребенок и спешил поделиться своими наблюдениями со мной. Я лишь рассеянно кивал и поддакивал, мои мысли были заняты Энхен. В то утро я умудрился перекинуться с ней парой фраз и считал это огромным достижением. И тут я увидел ее. Девушку, о которой мне все время рассказывал Санни. У нее действительно были роскошные длинные волосы с медным отливом. Она смотрела прямо на меня и улыбалась. Я замедлил шаг, и, не отрывая от нее взгляда, сделал движение рукой, хотел похлопать Санни, но его рядом не оказалось. Все еще вытянув в сторону руку и глядя на девушку, которая теперь улыбалась как-то зловеще, я остановился и хотел позвать Санни. Совсем рядом я услышал сигнал автомобиля и скрип тормозов, и вдруг раздался крик. Я не сразу осознал, что это кричал я. Санни лежал посреди дороги прямо на мокром асфальте, а в нескольких метрах стояла машина, которая сбила его. Я бросился к Санни, но все происходило как-то слишком медленно, словно не со мной, как будто я наблюдал все это со стороны. Вот я подбежал к нему. Трясу его за плечо. Не понимаю, в сознании он или нет. Его глаза открыты, но он не моргает. Мне кажется, он не дышит. Вокруг собираются люди. Они говорят о чем-то. Кто-то пытается меня поднять, но я вырываюсь. Я хочу помочь Санни. Меня хватают сильнее и куда-то ведут. Что происходит? Я ничего не понимаю. И вдруг наступает темнота...

Меня разбудил мой собственный голос. «Санни». Я подскочил на месте, и оказалось, что я в своей спальне. Часы показывают половину второго ночи. На улице темно, и, похоже, идет дождь. Мне нужно выяснить, было ли это на самом деле, или мне все приснилось. Хоть бы приснилось... повторяю эту фразу, беру мобильник и набираю номер Санни. Оператор сообщает, что абонент недоступен. Иду в спальню к родителям. Они спят.

– Мама, – я тормошу мать за плечо. Она отмахивается и продолжает спать. – МАМА, – тормошу уже более настойчиво.

Она просыпается и смотрит на меня. В ночном полумраке я вижу, как ее глаза расширяются.

– Вальтер, – говорит она шепотом и садится, я вижу, что она испугана.

– Мама, что случилось? – я сажусь рядом с ней на колени.

– Вальтер... – начинает она и замолкает.

– Что случилось, мама?

– Вальтер, Санни больше нет, – говорит она еле слышно, но мне кажется, что она кричит. И эта мысль, словно пуля, пронзает мой мозг. Санни больше нет. Но я отказываюсь в нее верить.

Я все думал, когда же этот дурацкий сон, наконец, кончится. Когда же проснусь, и все снова будет хорошо. Я смутно помню те дни. Плохо помню его похороны. Помню много людей и свежее такое солнечное утро, как будто и не случилась эта страшная несправедливость. Помню его лицо. Спокойное, умиротворенное, почти детское еще. Пятнадцать лет. Всего пятнадцать! Так мало времени и так много планов...

Я очнулся от этой дремы где-то в апреле. Помню, сидел на скамейке в яблоневом саду и рисовал, и вдруг на меня обрушилось осознание, что его действительно больше нет. Меня охватило отчаяние. Такое глубокое и бесконечное отчаяние. Словно оказался на дне глубокой-глубокой ямы, из которой нет никакого выхода. Тьма окружала меня, и я растворялся в ней. Только сердце пыталось сопротивляться, сжимаясь в комок. Закричать бы. Но я не мог. Залезть в самый укромный уголок и исчезнуть, словно меня и не было никогда. Зачем я вообще на этом свете? Кому я нужен? Чувство беспомощности поглотило меня. Я не мог ничего изменить, исправить, повернуть время вспять! Мир поблек без него. Никогда больше не увижу его. Не услышу его голос, его смех. Не пройдемся вместе после школы, не поболтаем о его великих планах...

Мне хотелось выть и лезть на стены. Я перестал есть и спать. Если и засыпал, то мне снился один и тот же сон. Заснеженный сад и он, на коленях, ко мне спиной. Я подходил к нему, он был холоден и неподвижен. И я просыпался от собственного крика.

6

В один из вечеров при свете настольной лампы я рисовал свой комикс. Мою прекрасную Амазонку в пылу сражения с каким-то совершенно отвратительным монстром, но у меня не получалось. Я изрисовал десяток листов и, окончательно разозлившись, разорвал последний. Дверь в комнату открылась и вошла мать, я притворился, что не заметил ее, взял новый лист и нарисовал на нем загогулину. Мать села на край кровати и в молчании смотрела на меня. К загогулине я пририсовал еще загогулину, получилось очертание лица. «Вальтер», – тихо сказала она. Я не отреагировал, набросал пару штрихов, получились плотно сжатые губы и нос. «Я знаю, что тебе тяжело», – продолжила она. Ну да. В нашей семье никогда не принято было общаться друг с другом, каждый жил своей жизнью, и меня это идеально устраивало. Не надо нарушать традиции. Я аккуратно нарисовал один глаз, потом другой. А она тем временем продолжала говорить, что-то о том, чтобы я раскрыл свою душу, что она меня понимает и хочет мне помочь, что готова выслушать все мои проблемы. Вот уж нет! Я добавил ресницы, потом подумал и сделал их длиннее. Раньше вам не интересны были мои проблемы, а теперь вдруг все стало очень важно. «Я знаю одного очень хорошего доктора». Так, стоп, доктора? Я собирался дорисовать кудряшек, но при упоминании какого-то доктора мой карандаш завис в воздухе, и я прислушался. «Альберт очень хороший доктор, он работает с подростками уже почти двадцать лет, он психолог, дети его просто обожают». Альберт, психолог, дети... Бред какой-то. Не нужен мне доктор. Я продолжил рисовать. Так, шея, плечо, рука, в руке меч. Или копье? «Вальтер, я записала тебя на следующий понедельник». Все-таки копье, тогда так, руку надо перерисовать. Она посидела еще какое-то время на краю кровати, глядя на меня. Потом кивнула, то ли сама себе, то ли мне и вышла из комнаты.

В понедельник мы отправились к Альберту. Он был из тех экспертов, которых обожают взрослые и считают, что они очень помогают их детям. Ну-ну. Дети Альберта не любили. Подростки тоже. Я лежал на кушетке в его кабинете, он сидел рядом в кресле и делал какие-то пометки в большом блокноте. Не знаю, почему считается, что лежание на кушетке способствует тому, чтобы раскрыть свою душу незнакомому человеку, которому ты даже не симпатизируешь. Я лежал и рассматривал картину на противоположной стене. На ней был изображен летний луг и маленькая девочка, играющая с большой пастушьей собакой.

«Вальтер, – начал он, – в твоей жизни сейчас нелегкий период, но он вскоре пройдет».

«А вы уверены?» – подумал я.

«Если ты замкнешься в себе, тебе будет сложнее пережить все это. Откройся нам, поделись своими переживаниями, и вместе мы решим, что делать дальше. Мы все знали Роберта, он был хорошим другом для многих и твоя потеря – это общая потеря». Роберта... никто не называл его Робертом. Наша потеря. Да кто ты вообще такой, чтобы рассказывать мне о нем? Мысли пронеслись в моей голове, но я молчал. «Смерть выбирает не только старых и больных...» Ой, ну надо же. «Иногда она забирает молодых и здоровых, но пути Господни неисповедимы...» Вот давай еще Бога сюда, ага. «Мы должны верить, что там, на небе, ему хорошо...» Ты психоаналитик или священник? «Он ушел, но мы продолжаем жить, мы не должны предаваться печали...» А ты попробуй. «Мы должны находить в себе силы двигаться дальше...» Бла-бла-бла. Он говорил много, взывал к моим чувствам, потом к разуму, потом просто старался задавать какие-то вопросы, но я отвечал только да или нет. Я слышал, как после сеанса, он сказал моей матери, что ему удавалось разговаривать и не таких трудных подростков, и посоветовал разговаривать со мной о том, что происходит.

Толку из этого вышло мало. Назойливые приставания с расспросами «для галочки» только больше меня злили. Я продолжал ходить на сеансы терапии, но по-прежнему не хотел

разговаривать с Альбертом. Я вообще не хотел ни с кем разговаривать, я хотел, чтобы все оставили меня в покое. Все, что они говорили, пытаясь выразить свое сочувствие, я и так знал. Знал, что Санни больше нет и надо как-то жить дальше. Знал, что когда-нибудь я, наверное, свыкнусь с этой мыслью. Мне нечем было делиться с матерью, которая вдруг вспомнила, что она у меня есть. И уж тем более делиться чем-то с Альбертом, который ничего не понимал в таких трудных подростках как я. Постепенно отвратительные монстры, с которыми боролась моя героиня, стали все больше походить на Альберта и моих родителей.

7

В начале мая один из моих одноклассников, Алекс, устраивал вечеринку на свой день рождения. С одноклассниками у меня были нормальные отношения, я не был изгоем или ботаником, объектом шуток и издевательств, мы просто держались на почтительном расстоянии, и это был мой осознанный выбор. Я никогда особо не стремился стать частью компании, мне вполне хватало общения с одним-единственным человеком – с Санни. Но теперь, без него, в моем мире стало слишком пусто. Бывало, что я не разговаривал ни с кем целыми днями, и вот теперь мне безумно захотелось общения. Настолько безумно, что я отправился на ту вечеринку.

У Алекса был большой и красивый дом за городом, всего в нескольких кварталах от дома моих родителей, но наш дом ему и в подметки не годился. Из открытой настежь двери доносились музыка и смех. Они не сразу заметили, как я вошел и в нерешительности замер на пороге. Их было много, и вскоре они все смотрели на меня. Кто-то с удивлением, кто-то безучастно, но некоторые даже с сожалением. Смерть Санни стала потрясением для всех, пускай и не таким огромным, как для меня. Ко мне тут же подбежали какие-то девчонки и стали наперебой предлагать пиво или какой-то коктейль с водкой. Уже не помню, что тогда выбрал, но опьянел довольно быстро. Я сидел в кресле и невидящим взглядом смотрел на танцевавших передо мной девушек. В одной руке я держал сигарету, в другой стакан с чем-то спиртным. Мне было странно. Голова шла кругом. Я затыкнулся, и комната растворилась в тумане. Вдруг я оказался на ступенях разрушенного готического храма. С ночного неба крупными хлопьями падал снег. Куда-то вдаль, в темную чащу старых деревьев, уходили мои одинокие следы. «Вальтер... – прошептал кто-то над моим ухом, я обернулся, но никого не увидел. – Вальте-ер...»

Картинка расплылась, и я снова вернулся в комнату. Какая-то девушка сидела у меня на коленях и улыбалась.

«Эй, ты где?» – спросила она. Я посмотрел на нее и ничего ответил. Мне вспомнился Чеширский кот из «Алисы в Стране чудес», когда он исчезал, и оставалась одна улыбка, так же было и сейчас – от девушки осталась только белозубая улыбка.

«С возвращением в реальный мир!» – она хлопнула меня по щекам. Но с этим я мог бы поспорить, ибо видение готического собора было куда более реально.

Когда в следующий раз я пришел в себя, оказалось, что танцую нечто латиноамериканское и уже с другой девушкой. Все толпились вокруг нас и дружно аплодировали, со всех сторон раздавались восторженные возгласы и свист. Похоже, я был на высоте. Вот уж не подозревал, что умею танцевать. Мне даже стало весело. Но тут я увидел Анну. Она стояла в другом конце комнаты и смотрела на меня. На ее лице отражалась смесь удивления, недоумения и, кажется, обиды. Наши взгляды встретились, она развернулась и вышла из комнаты. Я остановился в середине очередного па и бросился вслед за ней, стараясь удерживать равновесие. Никогда в жизни так не напивался.

Я вышел на улицу. Запах цветущих каштанов ударил в нос. Я огляделся по сторонам и увидел ее. Анна шла, укутавшись в свитер, хотя было совсем не холодно. Я пошел следом. Ноги меня не слушались, и я постоянно натыкался на неизвестно откуда являвшиеся столбы и деревья. Но я не обращал на это внимания, ведь всего в нескольких шагах шла девушка моей мечты.

– Кто это у нас тут? – я догнал ее и одной рукой обхватил ее за талию.

Анна молча скинула мою руку. Я потерял равновесие и упал. Она вздохнула и помогла мне подняться.

– Да, вот такая я свинья, – сказал я, стараясь идти рядом с ней, – что-то я сегодня перебрал... А почему ты молчишь? – не дождавшись ответа, я продолжил, – Посмотри, сегодня веселится весь мир!

А мир и вправду веселился. В свете фонарей роились мотыльки, словно маленькие эльфы, которых мы с Санни искали в детстве. Звезды танцевали в небе под стройное стрекотание кузнечиков. Заглядевшись на звезды, я запнулся, едва не упал, но успел схватиться за фонарный столб. Продолжая обнимать столб, я затянул какую-то детскую песенку. Если бы мог, то непременно бы еще и станцевал. Анна остановилась и устало посмотрела на меня.

– Идем, – она взяла меня за руку. О, это был самый счастливый момент в моей жизни. Мы шли, держась за руки, словно влюбленная парочка. Ну, по крайней мере, именно так мне казалось тогда, у Анны наверняка остались совсем другие впечатления. Она молчала, но думаю, она улыбалась. Я и не заметил, как мы добрались до моего дома. Оказалось, она знает, где я живу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.